

фантастическая
история

Книги Андрея Колганова
в серии «Фантастическая История»

ЖЕРНОВА ИСТОРИИ
ЖЕРНОВА ИСТОРИИ. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН



МОСКВА, 2013

фантастическая
история



Андрей Колганов

Жернова истории.
Ветер перемен



ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К60

Колганов А. И.
К60 Жернова истории. Ветер перемен: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 375 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1377-5

Идет уже второй год пребывания нашего героя в прошлом, и пока ему удается счастливо избегать роли песчинки, раздавленной жерновами истории. Пришлось, правда, некоторое время побыть безработным, но и тут вроде бы обошлось — наступивший 1925 год Виктор Осецкий встречает на новом месте работы. Да и интриги, в которые он вляпался по собственной неосторожности, хотя и закрутились в тугую узел, пока не стоили ему головы. Больше того — герой изо всех сил пытается, чтобы в СССР поднялся ветер перемен. Однако изменить вращение тяжелых жерновов истории трудно: неумолимо надвигается схватка в партийных верхах и, не полетят ли в результате все расчеты нашего героя вверх тормашками, предсказать невозможно...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1377-5

© Колганов А. И., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

«Второй уж год я царствую спокойно...» — э-э, что-то мои мысли куда-то не туда занесло. И не царствую, и уж о спокойствии тоже говорить не приходится. Правда, насчет «второй уж год» — все верно. Год и три месяца, если быть точным, я провел в СССР, совершенно непонятным образом очутившись здесь в самом конце августа 1923 года. Попал, проще говоря. И несмотря на то что попал не просто так, а прямо в тело и сознание ответственного работника Наркомата внешней торговли, своим я этот мир, кажется, так до конца и не ощущаю. Нет, разумеется, освоился довольно быстро, а теперь врастаю потихоньку, даже друзьями уже обзавелся, и, кажется, собственная семья уже не за горами. Да и вмешиваюсь во все активно, дел наворочал немало... Но почти все это пока как будто бы со стороны.

Вмешиваюсь, да. По банальному сценарию — раз попал из будущего, значит, обладаю послезнанием, а раз в курсе, что, как и когда случилось и к каким последствиям привело, то могу этим знанием воспользоваться. Вот и пытаюсь подправить исторические события, подбрасывая основным действующим лицам специально подобранную информацию. Но только тот политический театр, который я попытался устроить, довольно быстро напомнил мне, что история театром марионеток вовсе не является.

Во-первых, вообразивший себя кукловодом на деле быстренько оказывается действующим лицом разыгрываемой исторической драмы. «И мотало меня, как осенний листок...» — тьфу, опять какая-то ерунда в голову лезет. Но

мотало, это точно. То в Кенигсберг мчусь догонять на аэроплане отбывшую в Берлин комиссию по закупке стрелкового оружия. То на Дальний Восток меня понесло с комиссией ЦКК—РКИ для проверки борьбы с контрабандой...

Во-вторых, история — отнюдь не покорная глина под руками скульптора, который мнет ее, как хочет, придавая ей нужную форму. Понадобилась хорошая встряска, чтобы осознать: тот, кто сует пальцы в жернова истории, рискует не только тем, что ему их прижмет, но и тем, что его самого затянет в эти жернова и безжалостно раздавит. Хорошо, что успел пальцы отдернуть, да и голову не снесло заодно, — легко, можно сказать, отделался. Всего-навсего выперли с работы. Ну что, как ты теперь будешь историю перекраивать в статусе простого советского безработного, а?

Глава 1

Я СТАНОВЛЮСЬ ПОЗВОНОЧНЫМ

Когда читаешь про безработицу, или видишь очередь на биржу труда, или даже смотришь в растерянные глаза сотрудников, попавших под сокращение, — это одно. Когда сам не можешь найти работы, простаиваешь многочасовые очереди, чтобы отметиться на бирже труда и получить крохи пособия по безработице, когда начинаешь считать копейки и экономить на всем, — это совсем другое.

Впрочем, совсем отчаянным мое положение назвать было нельзя. Отец Лиды, как и обещал, все-таки подкинул одну работенку с переводом. Какой-никакой, а заработок. Да и Рязанов помог. Несколько лекций, прочитанных по его протекции, не так уж давно помогли мне заработать на покупку пистолетов в Берлине. И теперь он не оставил меня в беде. Хвалил даже — за мое изложение студентам основ метода К. Маркса в «Капитале».

— Вот бы вам с Рубиным встретиться! — восклицал он. — Такого знатока метода Маркса еще поискать. Но как я ни бьюсь, пока Исаака Ильича из рук ОГПУ выцарапать не удастся. Чертов позер! И надо же было ему изображать активную политическую деятельность Бунда! Ах, как жаль! — И тут же, вновь обращаясь непосредственно ко мне: — А вы бы не согласились читать у нас в Комакадемии лекции на постоянной основе? Зарплата у нас, конечно, не такая большая, как на руководящей должности в наркомате, но уж всяко лучше, чем прозябать на бирже труда!

Пойти, что ли, к Рязанову? Раз уж он о моих знаниях по методу «Капитала» так хорошо отзывается и к себе прямо заманивает. Но ведь с преподавательской должности мои

задумки будет осуществлять не так уж и легко. Хотя... Лишней преподавательская работа не будет. Ведь здесь — молодежь. Плохо только, что не умею я легко с людьми отношения налаживать. Вон уже сколько студентов подходили ко мне после лекций, интересовались, спорили — а ни с одними прочных контактов не завязалось.

Нервы мои после первых двух недель горячки, последовавшей за решением уволиться из наркомата (о котором я уже десять раз успел пожалеть: а вдруг страхи были напрасны и все бы обошлось?), успели немного успокоиться. Поэтому вечером сижу перед раскрытым блокнотом и подвожу итоги. Ну и что же мне удалось сделать более чем за год моего пребывания здесь? С одной стороны, вроде и немало. Смотрите:

- провал восстания в Германии обошелся меньшей кровью (не было боев в Гамбурге);

- не удалось предотвратить, но удалось свернуть партийную дискуссию в конце двадцать третьего года;

- ликвидирован пост генерального секретаря ЦК, а занимавший его Сталин стал председателем Совнаркома;

- раньше, чем в моем времени, ликвидирован пост генерального секретаря ИККИ, и Зиновьев лишился этого поста;

- налажены первые контакты с представителями ОГПУ и РВС;

- сделаны первые шаги в развитии бригадного хозрасчета, и к этому движению активно подключен комсомол;

- изменилась расстановка сил в ЦК, Оргбюро и Секретариате ЦК;

- сорвана афера с «письмом Зиновьева», и лейбористы не проиграли парламентских выборов одна тысяча девятьсот двадцать четвертого года...

Если уж быть до конца честным с самим собой, то не все мои действия, что называется, «в плюс». Есть и один явный косяк: неосторожно зацепил интересы Ягоды, и теперь из этого как-то надо выкручиваться.

Но с другой стороны, все достигнутое — это еще не результаты, а пока только первые шаги к ним. Чтобы эти первые шаги превратились во что-то более осязаемое, а не

остались эфемерной рябью на поверхности исторического потока, предстоит еще провернуть массу работы. Привычно вздыхаю, и тут дребезжит звонок в дверь. Из прихожей слышится звонкий голос Игнатьевны:

— Виктор Валентинович! Это к вам!

Выйдя в прихожую, вижу у дверей молодого человека, одетого в довольно-таки добротное драповое пальто и теплую кепку. Он только что пытался растереть руками покрасневшие с морозца уши, но, завидев меня, тут же бросил это занятие и встал чуть не по стойке «смирно»:

— Вы Осецкий, Виктор Валентинович?

— Да, я. — То, что парень из «органов», чувствуется сразу: это и к гадалке не ходи.

Впрочем, опасений у меня нет. Если бы речь шла о неприятностях, визитер был бы не один.

— Вам пакет. Получите и распишитесь.

Вскрываю конверт и достаю из него небольшой листок бумаги.

— Распишитесь, — повторяет парень, протягивая мне карандаш. — Вот здесь, прямо на конверте. А конвертик мне отдайте.

Расписываюсь, разворачиваю листок. Там всего несколько строчек:

«Виктор Валентинович! Хотелось бы продолжить наши не вполне оконченные беседы. Если вы не против, можно встретиться у меня в понедельник, 1 декабря, в 17.00.

М. А. Трилиссер».

— Позвольте записочку... — И молодой человек забирает листок у меня из рук. — Будет ли ответ? — тут же интересуется посыльный.

— Да. Вот, на конверте и черкну. — Опять беру карандаш и вывожу: «Согласен. Буду».

В ОГПУ, честно сказать, меня не тянет — уже объяснял, по какой причине, — но почему бы и не поговорить с умным человеком? Все равно ведь делать нечего... Но вот с чего бы это Трилиссеру так понадобилась беседа со мной, что он аж посыльного пригнал, — непонятно. И эта непонятность немного напрягает. Ладно, думаю, дело так или

иначе разъяснится. Зачем голову ломать, если информации для ответа нет и взять неоткуда?

Поэтому до понедельника доживаю достаточно спокойно, прихожу, не торопясь, пешочком (и полезно, и на трамвай не тратиться) на Лубянскую площадь, в бюро пропусков ОГПУ. По партбилету получаю пропуск... А вы думали, по паспорту? Паспорт у меня всего один — заграничный (поскольку других в природе СССР сейчас и не существует), — и тот остался в сейфе в НКВД. Служебное удостоверение я тоже сдал. Так что партбилет у меня — самый мощный документ... Получаю, значит, пропуск и иду к Михаилу Абрамовичу в кабинет.

Здоровуюсь, оглядываю его с ног до головы, бросаю взгляд на вешалку. На Трилиссере суконная гимнастерка-френч с накладными нагрудными карманами. Нарукавный клапан исчез, и знаки различия — четыре эмалевых ромба — переместились на краповые петлицы на воротнике. На вешалке — серая шинель с ромбовидными краповыми петлицами и такой же серый зимний шлем с краповой звездой...

— Что, Михаил Абрамович, уже приоделись в соответствии с приказом триста пятнадцать от четырнадцатого августа? Давненько же мы с вами не виделись! Прошлый раз обмундирование на вас было еще по прошлогоднему образцу.

Начальник ИНО поднимает на меня грустные глаза.

— Одного не понимаю, — говорит он задумчиво, — как при нашем тощем бюджете интенданты ухитряются выщарапать средства на бесконечные перемены в форме одежды?

— Погодите, — усмехаюсь, — скоро до вас доведут еще один приказ: летнюю фуражку с синим околышем и краповым верхом велено будет сменить на фуражку с краповым околышем и синим верхом. В декабре как раз самое время летние фуражки перекраивать.

В ответ Трилиссер лишь молча кривится, но его взгляд становится цепким и колючим, недвусмысленно говоря: «И откуда же это у тебя, братец, такие подробности? И зачем это ты мне их выкладываешь?»

Зачем, зачем... Да так, чтобы ты чуть подергался. И задум-

мался, так ли товарищ Осецкий непрост, как кажется на первый взгляд. Может быть, он непрост не так, как кажется, а гораздо больше?

Михаил Абрамович, впрочем, не склонен отвлекаться на посторонние частности и тут же переходит к делу:

— Помнится, Виктор Валентинович, при прошлой нашей встрече вы упоминали о желательности наладить нечто вроде производственной разведки. Не могли бы вы обосновать свою мысль более детально? Что это должно быть за подразделение: каковы его задачи, кем они должны ставиться и разрабатываться, примерный штат, требования к сотрудникам, источники комплектования? В общем, любые соображения.

Э-э, братец, а тебе ведь не «любые соображения» нужны! А нужно тебе развернутое обоснование создания нового подразделения в штате ИНО, чтобы подать это обоснование по начальству. Ну что же, в этом наши цели совпадают.

— Записывайте. Первое. Подразделение экономической и технической разведки в составе ИНО должно заниматься сбором такого рода информации об экономическом положении вероятных противников СССР, которая не попадает в открытое обращение. Особое внимание следует обратить на военные расходы и на финансовое состояние как государств, так и отдельных крупных капиталистических фирм, банков и так далее. Второе. Следует так поставить дело, чтобы быть в курсе всех важнейших научно-технических разработок, особенно военных или могущих иметь в перспективе военное значение. Но и вообще любые значимые изобретения и разработки также должны быть в поле нашего зрения. Третье. Следует подробнейшим образом освещать состояние военной техники — как со стороны объемов производства, так и со стороны тактико-технических характеристик, а также отслеживать уровень технологий, используемых при производстве вооружения.

— Не торопитесь так, — недовольно прикрикнул на меня Трилиссер, лихорадочно строча в своем блокноте. — Чуть помедленнее, пожалуйста.

Можно и помедленнее.

— Кадры для такой работы следует подбирать из числа

лиц с каким-либо техническим образованием. Лучше всего пригласить людей из Главного управления военной промышленности ВСНХ — они там хотя бы имеют какое-никакое представление о гостайне и режиме секретности.

Трилиссер отрывается от блокнота и скептически хмыкает:

— Так нам ГУВП хороших работников и отдаст. Они там наперечет.

— Так нам самых лучших и не надо, — разъясняю ему. — Взять молодых, которые уже три—пять лет проработали, поняли более или менее, что к чему. Ведь им не производство налаживать надо и не новинки изобретать, а всего лишь суметь сориентироваться в том, с чем они столкнутся. Таких, я думаю, несколько человек найти можно. Да и не все сотрудники должны быть техниками. Ведь кто-то и чисто оперативную сторону работы должен ставить.

— А кто будет ориентировать работу этого подразделения, ставить круг конкретных задач, выделять первоочередные цели? — Начальник ИНО старается ничего не упустить.

— Здесь вам придется привлекать к консультациям крупных специалистов, способных оценить самые важные направления развития экономической ситуации и прогресса науки и техники за рубежом. — Предвидя уже готовое сорваться с губ Трилиссера возражение, добавляю: — Легче всего, конечно, будет привлекать специалистов из того же ГУВП. Но во многих случаях не обойтись и без консультации старых специалистов. Поэтому такие консультации надо устраивать без указания заказчика, организуя их через спецов, являющихся членами партии или, во всяком случае, доказавших свою политическую лояльность...

Говорили мы еще долго, и под самый занавес кидаю Михаилу Абрамовичу еще одну приманку:

— Если хотите, через месяц примерно смогу предоставить вам ориентировку по некоторым желательным направлениям экономической и технической разведки. Зря я, что ли, в НКВД столько лет штаны протирал?

Михаил Абрамович оживляется и забрасывает удочку:

— Виктор Валентинович, а идите к нам консультантом! С НКВТ вы расстались, ничто вас не держит...

Так-так. Опять заманиваешь? Нет, не поддамся. Не того сорта я человек, чтобы еще и в ваши дела влезать обеими ногами, да при этом уцелеть.

— Извините, но скажу прямо — не тянет меня работать в вашей конторе. Да и при нездоровом интересе ко мне со стороны Генриха Григорьевича буду себя чувствовать тут не самым приятным образом. Мне предпочтительнее работать по экономической части — это дело я знаю и могу себя проявить с лучшей стороны.

— И что, присмотрели уже что-нибудь?

Развожу руками:

— Вы же знаете, везде идут сокращения аппарата...

— А в ВСНХ податься не пробовали? — не отстает Трилиссер.

— Пробовал. Даже к Дзержинскому на прием записался. Аккурат через два с половиной месяца и попаду.

— Погодите... — Михаил Абрамович снимает трубку и просит телефонистку соединить его с каким-то номером. И начинается диалог, из которого до меня доносится лишь половина. — У аппарата Трилиссер. Феликс Эдмундович у себя?

— ...

— Да? А где же? На Варварке?

— ...

— Понятно, спасибо. — Начальник ИНО нажимает на рычаг отбоя и опять подносит трубку к уху, называя телефонистке очередной номер: — Здравствуйте! Трилиссер беспокоит. Можно меня соединить с Феликсом Эдмундовичем?

— ...

— Нет, никакой горячки нет, но и откладывать не хотелось бы.

— ...

— Да, я у себя.

— ...

— Хорошо, жду.

Трубка брошена на рычаг, и Михаил Абрамович поясняет:

— Если можете подождать десять минут, то, думаю, мы попытаемся сразу же все и устроить.

— Что устроить-то? — Интересно, на что это меня Трилиссер подписать собирается?

— А вот что получится, то и устроим, — темнит Михаил Абрамович, но затем все же поясняет, впрочем, не менее туманно: — Возможности всякие есть, — глядишь, что-нибудь для вас и сумеем сделать.

Воспользовавшись образовавшейся паузой, хотел было предложить Трилиссеру взять в планируемое новое подразделение людей, которые и так уже выполняют поручения, связанные со сбором технической информации, но прикусил язык... Работу по сбору информации в германской фирме OSRAM относительно технологии производства вольфрамовой нити для электроламп и инструментальных сплавов на основе карбида вольфрама и кобальта ведет военная разведка. То же самое касается разведывательной сети на военных заводах Франции. А сталкивать лбами РУ РККА и ИНО ОГПУ вовсе не входило в мои планы.

Паузу прервал Трилиссер, обратившись ко мне с вопросом:

— Как вы полагаете, Красин не откажется откомендовать вас лучшим образом?

Пожимаю плечами:

— Думаю, не откажется. Противодействовать моему выдвиганию из наркомата у него воли не хватило, но причин самому присоединиться к хору моих недругов у Леонида Борисовича нет.

— А почему он не перебросил вас на заграничную работу, скажем, в какое-нибудь торгпредство? Ведь вам такая работа хорошо знакома, и за кордоном вы окажетесь вдали от московских интриг? — продолжал допытываться Трилиссер. Что он, сговорился, что ли, с Красиным — прямо один в один повторяет его аргументы?

— Дело в том, — смотрю прямо в глаза начальнику ИНО, — что, когда Красин сделал мне подобное предложение, я сам отказался. У меня есть веские личные причины не уезжать из Москвы. — Хочешь объяснений? Ну так получи — столь же ясные и исчерпывающие, как ты только

что давал мне. Не хрен меня тут допрашивать. Расколоть меня, может быть, и нетрудно — но только если нажать все-р-ез. Надеяться же на то, что я размякну сам и распущу язык, не стоит.

В этот момент мои мысли прерывает резкий звонок телефонного аппарата. Михаил Абрамович аккуратно снимает трубку и подносит к уху:

— Трилиссер у аппарата.

— ...

— Добрый вечер, Феликс Эдмундович!

— ...

— Здесь у меня товарищ Осецкий, Виктор Валентинович. Полагаю, он может быть нам полезен. Во многих отношениях.

— ...

— Проще всего было бы вам самому с ним переговорить и составить собственное мнение. Он человек разносторонних способностей... Впрочем, я вам через несколько минут перезвоню и объясню более подробно, чтобы у вас не осталось никаких сомнений.

(«Вот ведь змей, — подумалось мне, — не хочет в моем присутствии говорить, какое он обо мне составил мнение и в чем тут его интерес заключается!»)

— ...

Тут Трилиссер отнял трубку от уха, прикрыл микрофон рукой и негромко спросил:

— Вы сможете подождать здесь, у нас, до двадцати ноль-ноль? Феликс Эдмундович как раз приедет из ВСНХ и сможет выделить вам десять минут.

— Смогу, — сразу же даю положительный ответ, ибо такими шансами разбрасываться не стоит. Даже если они окажутся пустыми. Ведь сам факт такой встречи будет пусть и небольшим, но плюсишком в мой актив.

Михаил Абрамович тут же вновь подносит трубку к уху:

— Да, Феликс Эдмундович, он подождет вас здесь.

— ...

— Разумеется. Материалы по этому делу готовы, и я вам их сразу же доложу.

— ...

— До свидания! — И с этими словами телефонная трубка, подчиняясь движению руки Трилиссера, занимает свое место на рычаге.

Михаил Абрамович улыбнулся мне слегка виноватой улыбкой и проговорил:

— Извините, Виктор Валентинович, вам придется проторчать здесь почти три часа, а ничего лучше своей приемной я вам предложить не могу. Там, правда, есть диван, и можно даже попробовать вздремнуть, если не обращать внимания на посетителей.

— Вообще-то последние дни у меня было достаточно времени, чтобы как следует выспаться, — отвечаю ему тоже с улыбкой, но у меня она еще менее веселая.

— Ладно-ладно, не вешайте носа, — старается приободрить меня Трилиссер. — Надеюсь, вы будете тут маяться не напрасно. У Феликса чутье на людей. Он разберется, куда вас можно пристроить. — С этими словами Трилиссер встает и направляется к двери. Иду вместе с ним. — Товарищ Осецкий посидит тут у нас в приемной, — распахнув дверь, бросает начальник ИНО своему секретарю. — Пусть отдохнет. Ты уж постарайся, чтобы посетители ему не слишком мешали.

Какой, однако, заботливый! Не забыл намекнуть секретарю, что говорить о делах в моем присутствии нежелательно. Сажусь на небольшой потертый кожаный диван и начинаю ждать.

Недаром говорят, что хуже нет, чем ждать да догонять. Время, конечно, не стоит на месте, но ползет еле-еле, и чем его прищипорить — никак не придумаю. Может, и в самом деле вздремнуть? Но сон не идет.

В голове роятся мысли, но сосредоточиться на какой-то одной и хорошенько ее обдумать со всех сторон не получается. Мысли скачут, как блохи. Пытаюсь думать конструктивно. Так, чем надо заняться в ближайшее время? Будет у меня работа или нет, а если будет, то какая, — это вопрос важный, но независимо от его решения начатое бросать нельзя. Чего же надо не упустить?

Троцкий! Он сейчас в угнетенном состоянии духа — и потому его может занести куда-нибудь не туда. Начнет,

чего доброго, вновь выяснять свои политические и идеологические разногласия с другими партийными вождями, тем более что поводов будет предостаточно. Да и группирующиеся вокруг него товарищи с левым задором будут его подзуживать. Значит, надо попытаться придать его амбициям — а они ведь никуда не делись! — какое-то более конструктивное направление. Вот только станет ли он меня слушать? Станет. Пока еще есть в запасе один ход с моим послезнанием...

Тем не менее разговор, чую, будет тяжелым. Если он вообще состоится... Еще сложнее будет с Лидой. Нехорошо мы с ней расстались. Первой она ни за что мириться не пойдет — это на ней крупными буквами написано. Светящимися... Я мысленно хихикнул, хотя раздумья вовсе не располагали к веселью. Так, значит, надо самому проявить инициативу. Вот только с чем к ней идти? Пока я пребываю в статусе несчастного безработного, доказать, что мои жалобы — случайный эпизод, будет сложновато.

Хлопнула дверь приемной. Мазнув взглядом по вошедшему в военной форме, вновь погружаюсь в размышления. Краешком сознания фиксирую диалог между вошедшим и секретарем (или все-таки адъютантом?) Трилиссера:

— Нужно завизировать текст письма Федорова...

— Понятно! — обрывает его секретарь, недвусмысленно дернув головой в мою сторону. — Проходите!

Сижую, жду, размышляю... Черт, как тянется время! А потом, глядишь, оно так понесется вскачь — не удержаться! Дел-то впереди полно. Вот и Шацкина надо не оставить без содействия. Дело с хозрасчетными бригадами он стронул с мертвой точки, оно пошло, и, значит, скоро надо будет двигать его дальше. Что там у нас было? Встречный промфинплан? Общественный буксир? Как их заставить работать, не дать выхолостить, замять? Думай, голова, думай, а не то чекистскую фуражку нацеплю! (Шутка, однако...) Что там еще можно пристегнуть к нашему делу?

Время все тянется и тянется. Ну хорошо, дождусь, попаду на прием. И что просить у Держинского? Или не просить, а подождать, что он сам предложит? А если спросит, чего хочу? Надо не оплошать. Все-таки спасибо Трилиссе-

ру, теперь не ждать два с половиной месяца. «Блат сильнее Совнаркома» — как раз этих времен поговорка. В мои студенческие годы говорили иначе. Там бы я попал в категорию «позвоночных» — тех, кто свои проблемы решает по звонку влиятельных людей. Сам-то тогда как раз в категории «беспозвоночных» находился. А еще были «членисто-рукие» — те, у кого была «рука» среди членов какой-нибудь солидной организации. Например, ЦК КПСС...

Кажется, я не заметил, как в конце концов задремал, потому что голос Михаила Абрамовича, вырвавший меня из забытья, прозвучал над ухом совершенно неожиданно:

— Виктор Валентинович! Поднимайтесь! Нас ждут.

Глава 2 РАЗГОВОР С ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Иду вслед за Трилиссером по коридорам Лубянки. Пропуска в этот сектор здания у меня нет, но слова начальника ИНО — «Под мою ответственность!» — все же заставляют посты пропускать нас дальше. А вот и нужная нам комната.

— Вениамин Леонардович, привет! — бросает мой спутник секретарю Дзержинского.

— Ну здравствуй еще раз! — отвечает тот. На его гимнастерке выделяется значок почетного сотрудника ВЧК-ГПУ с большой римской цифрой V. («Награжден в двадцать третьем году значком номер тридцать два», — всплывает у меня в памяти совершенно ненужная в данный момент информация. Видел на каком-то форуме, а теперь вдруг проявилось...) — Проходи, ждет!

И Михаил Абрамович проходит в кабинет без очереди, промолвив на ходу:

— Подождите пока здесь, Виктор Валентинович. Вас вызовут.

И вот опять приемная, и опять я сижу на диване. Теперь, правда, не один — помимо секретаря за столом напротив еще двое посетителей примостились рядом со мной, на недавно сменивших обивку диванных подушках, а у противо-

положной стены, на стуле — еще один. Кстати, единственный, кроме меня, в штатском, остальные — в форме.

Опять жду. Нервно чаю. Минуты тянутся, как часы. Но вот наконец дверь распахивается, появляется Трилиссер и энергично командует:

— Заходите!

Захожу. Дзержинский вполне узнаваем. Нет, это не тот канонический образ, который любили тиражировать в советское время. Но тем не менее Феликс Эдмундович очень похож на одну из своих фотографий, сделанных в бытность его работы в ВСНХ СССР. Залысины стали заметно больше, волосы поредели и еще дальше отступили ото лба, лицо несет печать усталости. Вместо привычной по множеству фотографий гимнастерки на нем надет вполне приличный деловой костюм с галстуком и рубашкой американского типа (углы воротничка на пуговицах).

Когда председатель ОГПУ оторвался от разложенных на столе бумаг и поднял голову, лоя вошедшего взглядом, стало еще заметнее, насколько у него усталый вид.

— Садитесь, Виктор Валентинович. — И, дождавшись, пока я устроюсь на стуле перед письменным столом, спросил: — Итак, чем могу быть полезен?

— Феликс Эдмундович! — В моем голосе звучит хорошо акцентированное недоумение. Нет, так я разговор строить не буду! — Трилиссер ясно дал мне понять, что это вы будете решать, чем я могу быть вам полезен! Он, видимо, не сомневается, что могу, — но решение оставляет за вами.

— Да... Извините... Устал. — Дзержинский трет пальцами виски. Через десяток секунд его усталость никуда не исчезает, но я вижу перед собой волевого, собранного человека с ясным, пронзительным взглядом. — Да. Помню. Так чем же таким ценным вы поделились с Михаилом Абрамовичем, что он загорелся идеей непременно куда-нибудь вас пристроить?

— Что вы думаете, Феликс Эдмундович, об организации специального подразделения, которое занималось бы экономической и научно-технической разведкой? Капиталисты не брезгают промышленным шпионажем, а нам, в нашем отчаянном положении, тем более нельзя отказываться

от возможности воспользоваться достижениями наших вероятных противников. Кстати, РУ РККА вроде бы уже делает кое-что в этом направлении. — Кажется, я правильно понял замысел Трилиссера. Подставив своему шефу инициатора нового направления в разведке, он рассчитывает заинтересовать Феликса Эдмундовича и получить непосредственно от него поручение создать соответствующее подразделение, обходя возможные интриги заместителей председателя ОГПУ, членов коллегии, начальников управлений и т. д. Ну а мне за это — пряник в виде возможного трудоустройства.

— Вопрос давно назрел! — откликается Дзержинский. — Но вы, как я понял, сами в этом деле участвовать не хотите?

— Не хочу. Категорически. Предпочел бы заниматься своим делом. — Выдержать взгляд Феликса Эдмундовича непросто, но я не отвожу глаз.

— Своим? Какое же дело вы считаете своим? — В голосе Дзержинского заметны нотки недовольства.

— Мы все делаем общее дело, — стараюсь отвести от себя прорезающееся возмущение. — И я готов работать там, где прикажет партия. Однако, полагаю, каждый человек — в том числе и ваш покорный слуга — принесет наибольшую пользу, будучи употреблен на своем месте. Там, где он сможет применить все свои лучшие способности.

— И в чем же вы видите свои способности? — Речь Дзержинского, мне на удивление, гораздо более правильная, нежели те обороты, которые он употреблял в известных мне речах, статьях и письмах.

— Прежде всего, в экономическом анализе. И вообще в аналитической работе. Организаторская работа дается мне тяжелей, но и с ней я справляюсь, если мне поручить строго очерченный участок. Мое слабое место — неумение быстро налаживать отношения с людьми. — Стараюсь быть лаконичным и в то же время достаточно откровенным.

— Кто мог бы дать отзыв о ваших деловых качествах? — Так, кажется, председатель ОГПУ все же решил меня к чему-то пристроить...

— Красин, Трояновский, Уншлихт, Котовский, Ленгиник. Ну и, пожалуй, Шацкий. — Троцкого предпочитаю не

называть. Деловых отношений у нас с ним, собственно, и не было. Кроме того, Дзержинский от него, мягко говоря, не в восторге, хотя и выступали вместе с одной платформой на X съезде РКП(б).

При этом перечне фамилий Дзержинский чуть вскидывает брови, но вслух никаких эмоций не выражает.

— Хорошо, Виктор Валентинович. Перезвоните, пожалуйста, завтра, после четырнадцати ноль-ноль, моему секретарю в ВСНХ. — И он протягивает мне листочек с номером телефона. — Надеюсь, к этому времени уже будет какая-то ясность.

— Спасибо! — А что тут еще скажешь!

— До свидания!

— До свидания, Феликс Эдмундович!

Выходя из кабинета председателя ОГПУ, практически сразу сталкиваюсь с Трилиссером.

— Ну как? — тут же интересуется он.

— Шестьдесят шесть, — автоматически выдаю в ответ.

— Что — «шестьдесят шесть»? — Михаил Абрамович сбив с толку и нелепым ответом, и просматривающейся за этим ответом попыткой пошутить. В таком серьезном месте и с такими серьезными людьми... Низ-зя!

— А что — «ну как»?

Начальник ИНО наконец улыбается. Но как-то грустно.

— Шутки шутите... Как разговор прошел?

— Нормально прошел. Спросил, кто может дать отзыв о моих деловых качествах.

— Про конфликт с Ягодой ему рассказал? — понизив голос почти до шепота, спрашивает Трилиссер. Тем временем мы уже покинули приемную и идем по коридору.

— Нет. А зачем?

— Напрасно. — Мой собеседник недоволен. — Нужно было сориентировать Феликса Эдмундовича, а то ведь Ягода может сделать это первым. Хорошо, что я позаботился кратко ввести его в курс дела о ваших непростых взаимоотношениях.

— Какие там взаимоотношения... — машу рукой. — Ну поцапался с какими-то мелкими сошками. Они ведь даже не его агенты, так — временные шестерки. — На самом деле

я смотрю на эту проблему гораздо серьезнее, но мне интересно узнать мнение Михаила Абрамовича.

— Ой, не знаешь ты Ягоду! — восклицает Трилиссер. Как ему удастся передать восклицание, еще более понизив голос, теперь уже действительно до шепота, для меня загадка. Но удастся же! — Он крепко запоминает тех, кто пытался перейти ему дорогу. Выждет подходящий момент — и ужалит. Хорошо, если не насмерть.

Вот тут решаю перестать играть под дурачка и выкладываю козырь, который до сих пор придерживал:

— Так уже. Вы думаете, с чего это чуть не вся коллегия НКВТ на меня ополчилась? С его подачи.

Михаил Абрамович шипит, стараясь, чтобы его голос все же не был слышен за пределами нескольких шагов:

— Так ты думаешь, он будет спокойно взирать, как ты пытаешься устроиться под крылышком у Феликса?! Считай, тебе уже объявлена война!

Мы уже подошли к кабинету начальника ИНО, и Трилиссер распахивает передо мной дверь в приемную, а затем отпирает свой кабинет ключом.

— Прошу!

Захлопнув за собой дверь, без приглашения устало опускаюсь на стул. Силы куда-то подевались — слишком перенервничал за эти последние часы. Набираю в грудь воздуха и с шумным выдохом произношу:

— Эх, Михаил Абрамович! С Ягодой нам, разумеется, миром уже не разойтись. Либо он меня в какую-нибудь интригу запутает, либо я ему ножку подставлю.

— Не справишься тебе с этим зубром, — качает головой Трилиссер. — У него и в ОГПУ авторитет, и поддержка с самого верха.

— Конь о четырех ногах, да спотыкается, — меланхолически выдаю своему собеседнику. Михаил Абрамович уже собирается то ли что-то спросить, то ли возразить, но я его опережаю:

— Вам такой молодой человек — Александр Яковлевич Лурье — знаком?

Начальник ИНО не замедлил с ответом:

— Конечно, знаком. Кажется, в восемнадцатом году

Ягода взял его к себе заместителем, когда еще был управделами Высшей военной инспекции РККА. Затем, когда стал управделами ВЧК, снова Лурье к себе заместителем перетащил. Потом он работал в Особом отделе, но оттуда его выперли с выговором. А в двадцать втором мы этого субъекта из партии вычистили и уволили из ОГПУ. Правда, Ягода сунул его на теплое местечко — сначала в потребкооператив ОГПУ, а затем коммерческим директором общества «Динамо». А вас-то он чем заинтересовал?

Чем, чем... зацепочка одна есть — именно через этого оборотистого по хозяйственной части молодца можно зацепить фигуру покрупнее.

— Дело в том, что мне кое-что известно про этого Лурье. В бытность мою торгпредом в Эстонии Лурье под фамилией Киров («Тоже нашел себе псевдоним! Впрочем, у Сергея Мироновича это тоже была не своя фамилия», — промелькнуло в мыслях) работал в нашем Рижском полпредстве и был замечен в связях с сомнительными дельцами. Один из сотрудников полпредства, который был посредником в этих связях Лурье, некто Неймарк, вскоре сбежал в Германию.

Трилиссер посмотрел на меня с нескрываемым интересом. Смотри, смотри. Думаю, эти сведения для тебя не тайна за семью печатями, но вот небось гадаешь — а откуда они известны Осецкому? Слухи? Может быть... Но погоди, это еще не все.

— Так вот, этот самый Лурье продолжает ездить в заграникомандировки. Формально — для закупок по линии спортобщества «Динамо». Но, подозреваю, там дело далеко не так чисто. С визой у него сложности — так Ягода на все педали нажимал, чтобы все же протолкнуть его за кордон. Вот и сейчас Лурье оформляется в Германию. Неплохо было бы глянуть, чем он там на самом деле собирается заняться, а? — Несмотря на то что люди Трилиссера и так будут за Лурье приглядывать, причем по заданию того же самого Ягоды, предпочитаю обозначить свой прямой интерес в этом деле.

— Так вы думаете, там что-то нечисто? — задумчиво тянет Михаил Абрамович.

— Допускаю, что у Лурье вполне официальное поручение. Но вот удержится ли он от каких-нибудь проделок и не вляпается ли с ними во что-нибудь этакое... Вот что может быть интересным. Только мне-то этого не выяснить.

Трилиссер так же меланхолично-спокоен, как и обычно. Не спешит хватать наживку.

— Даже если и так, Ягода его прикроет.

— Тут по-разному может повернуться. Как это дело подать да какие фигуры вовлечь... Посмотрим, прикинем. Если пустое дело — значит, пустое. Заранее не решишь, — объясняю начальнику ИНО свою позицию.

— Ладно, посмотрим, — заключает тот и пересказывает на другую тему: — Не откажите в любезности сообщить, чем у вас дело с Феликсом Эдмундовичем закончится. Запоминайте мой телефон...

На сем мы, собственно, и распрощались.

Не скрою, всю первую половину вторника провел как на иголках. Будет ли что-то конкретное от Дзержинского и если будет, то что? Проблему с телефоном я решил просто — добрался до Бауманского райкома партии и выпросил разрешения позвонить из приемной. Поскольку телефон был в то время не слишком доступен, подобного рода просьбы в советских и партийных учреждениях были обычным делом. Едва дождавшись двух часов дня, прошу телефонистку соединить меня с номером, написанным на бумажке.

— Здравствуйте. Вас беспокоит Осецкий, Виктор Валентинович.

— Здравствуйте, товарищ Осецкий, — отвечает мне сквозь шуршание помех (все никак к ним не привыкну!) голос на другом конце провода. — Феликс Эдмундович оставил вам сообщение... А, вот: он просит вас, если не затруднительно, быть у него в ВСНХ сегодня, в семнадцать тридцать.

— Хорошо, буду, — быстро даю согласие.

— Пропуск я вам сейчас закажу. До свидания.

— До свидания. — Что же там такое? Не так уж много у него времени на личные встречи, чтобы просто взглянуть на меня еще раз. Чего хочет от меня Дзержинский?

Благодарю секретаря в приемной и выхожу на улицу. У меня еще три с половиной часа... Из этих трех с лишним часов минут сорок уйдет на дорогу. А остальные? Зайти к Лиде? Эта мысль глодала меня уже не первый день. Сначала я был порядком на нее обижен. Уж если она действительно ко мне равнодушна, то должна была бы понять, в каком я состоянии, и не читать нотаций, а помочь, поддержать... Но затем я обнаружил, что не могу на нее сердиться. Разлука с ней рвала мне душу, и, сам не заметив как, начал подыскивать ей оправдания. Ведь действительно повел я себя не слишком достойно, чуть ли не расплакался, понимаете ли. Так что привести меня в чувство, встряхнуть как следует, наверное, было не то что можно, а просто необходимо.

Не могу ничего с собой поделывать — ощущаю прямо-таки неудержимое желание увидеться с моей комсомолкой. Но с чем я к ней пойду? Упасть на колени и каяться? Такого она точно не поймет. Да и на работе она сейчас. Даже не знаю толком, где ее контора располагается. Пройтись, что ли, пешком, отвлечься немного от всяких пустых планов и догадок, лезущих в голову при почти полном отсутствии информации? Вот встречусь с «железным Феликсом» — тогда и будет пища для размышлений.

Моя затея удалась только наполовину. Время было потрачено, но вот от сумбурного потока мыслей, от бесконечного обсасывания, в сущности, одного и того же вопроса — что же будет (одновременно и в смысле трудоустройства, и перспектив наших отношений с Лидой)? — это меня не избавило.

К зданию ВСНХ СССР на Варварской площади я спустился от Ильинских ворот, где неподалеку было мое, теперь уже бывшее, место работы, по Старой площади вдоль внушительного здания ЦК РКП(б), занимавшего бывшую гостиницу «Боярский двор». Высший совет народного хозяйства размещался также в весьма презентабельном здании — бывшем «Деловом дворе», — архитектура которого, где элементы классицизма и модерна сочетались с огромной площадью остекления окон-витрин, во многом

сближалась с передовыми изысками архитектуры грядущих тридцатых годов.

Зайдя в бюро пропусков и обзаведясь необходимой бумажкой, следую к указанному в пропуске кабинету. Дзержинский принял меня практически точно в назначенное время.

Мы поздоровались, и «нарком промышленности» сразу перешел к делу:

— Не согласились бы вы поработать в системе ВСНХ, а, Виктор Валентинович? Скажем, заместителем начальника одного из главков?

— Не сочтите меня чересчур уж разборчивой невестой, Феликс Эдмундович, но мне не стоит поручать подобные посты. Я ни дня не проработал на производстве и не имею соответствующего опыта. Кроме того, постоянная организаторская работа с большим количеством людей не относится к моим сильным сторонам. — Нехорошо это, вот так, с ходу, отказываться от его предложений. Но ведь и порученное дело тоже завалить не хочется.

Дзержинский, естественно, не испытывает восторга от моего отказа, и я его хорошо понимаю — грамотных, толковых людей ему остро не хватает. Однако он ничем не проявляет своего недовольства, более того, начинает выяснять:

— Ну а где бы вы сами хотели применить свои способности?

— Просто для примера, — отвечаю ему, — был бы очень заинтересован попробовать себя на работе в Госплане. Но там меня никто не знает, а специалисты в этом учреждении подобрались сильные, и они вряд ли захотят взять к себе «кота в мешке».

Такое нахальство вовсе не выводит моего собеседника из себя. Напротив, он, похоже, крепко настроен так или иначе заполнить меня. С чего бы это такое особое внимание?

— Скажите, Виктор Валентинович, а заместителем начальника Главного экономического управления ВСНХ пойдете? К Манцеву под начало?

— К Манцеву? — переспрашиваю, чтобы выгадать несколько секунд на обдумывание («Манцев, Манцев... —

вихрем проносится в эти мгновения у меня в голове. — Имеет юридическое и электротехническое образование, учился в партийной школе в Лонжюмо, хорошо знаком с бывшими «левыми коммунистами» — Бухариным, Осинским, Бубновым... Был до двадцать третьего года членом коллегии ВЧК-ОГПУ, одно время возглавлял МЧК — Лида должна его хоть немного знать, — затем перешел на работу в РКИ... Наверное, сработаемся»). — Немножко знаю его, пересекался с ним разок, когда обращался в Наркомат РКИ. А теперь, значит, Василий Никитович снова у вас. Ну что же, думаю, от такого предложения грех отказываться. Постараюсь вас не разочаровать.

— Вот и отлично. Не подведите. Дел много, а людей, на которых можно положиться, до обидного мало, — отвечает «железный Феликс», и видно, что эта ситуация по-настоящему задевает его за живое. Недаром он летом в ЦК записку Гольцмана проталкивал о привлечении старых специалистов, однако поворота к лучшему тут пока не видно. Ладно, может быть, мне удастся что-нибудь сообразить в этом направлении? Проблема ведь на самом деле архисерьезнейшая, как любил выражаться Владимир Ильич. Дзержинский между тем продолжает: — Сразу идите к Василию Никитовичу оформляться, а я немедля отзвоню насчет вас. ГЭУ находится в этом же здании, запишите себе номер комнаты...

Меньше чем через два часа я стал не только работником ВСНХ, но и вновь сделался обладателем собственного кабинета, правда, без секретаря в приемной, но помощника мне обещали выделить. Первым делом, едва освоившись с новым местом, беру большой служебный телефонный справочник, кое-как отпечатанный ротатором на скверной бумаге, и ищу телефон секретной части ГУВП.

— Здравствуйте, вас беспокоят из Главного экономического управления. Не могли бы вы пригласить к телефону инструктора Лагутину Лидию Михайловну?

— Сейчас, — недовольно буркнула телефонная трубка.

Лишь бы она была еще на работе! Жду, морщась от запаха пыли, идущего не только от справочника, долго провалявшегося на полке, но и пропитавшего, кажется, весь кабинет. Надо бы влажную уборку организовать... Где-то на

пределе слышимости в трубке можно различить нечленораздельный шум, создаваемый отдаленными голосами, потом становятся слышны торопливые шаги:

— Здравствуйте. Лагутина у телефона.

— Здравствуй, Лида.

— Виктор? — В голосе слышна неуверенность, некоторое удивление, но неприязни вроде бы не ощущается.

— Да. Звоню вот с нового места работы. Мы с тобой теперь, считай, в одном ведомстве служим. — Подхожу осторожно, издалека, а у самого сердце колотится как бешеное, и едва сдерживаюсь, чтобы не задыхаться, как спортсмен после марафонского забега.

— Ты что, тоже теперь в Главвоентпроме? — говорит так, будто между нами ничего и не случилось. Может, оно и к лучшему. Не надо будет объясняться и оправдываться.

— Нет, всего лишь зампреда коллегии ГЭУ, — называю ей официальное наименование своей новой должности. — Но тоже в ВСНХ.

— Ну вот! — воскликнула Лида. — А то ты чуть ли не рыдать вздумал!

— Виноват. — А что тут еще скажешь? — Было дело, на какой-то момент дал слабинку.

— Ладно, — снисходительно бросила Лагутина, — ты еще тут покаяние устрой, с битьем лбом об пол. Просто больше не позволяй себе таких слабостей, понял?

— Понял, изучил и обязуюсь исполнять, товарищ комиссар! — пытаюсь перевести неловкость в шутку.

— Ну хватит, хватит! — Собеседницы не видно, но чувствуется, что она улыбается.

Чтобы закрыть скользкую тему, задаю вопрос:

— Что-то мы забросили наши тренировки. Как ты на счет сходить сегодня в тир?

— Во сколько? — отвечает она вопросом на вопрос.

— На сегодня я все дела, что мог, сделал. Могу прямо сейчас.

— Меня ты уже на выходе поймал. Давай через десять минут у главного входа встретимся?

— Давай! До встречи. — И трубка ложится на рычаг. Уф!

Аж спина взмокла. Но главное сделано — похоже, мир восстановлен...

Следующий день начинаю с поисков партячейки, чтобы встать на учет. Прodelав необходимые формальности, вспоминаю о долге вежливости и отзваниваю Трилиссеру:

— Можете меня поздравить, Михаил Абрамович! С вашей легкой руки взяли-таки меня на работу в систему ВСНХ, к Манцеву заместителем. Так что я ваш должник.

— Ну что, поздравляю! — слышу в телефонной трубке.

А вот чего я не слышал и о чем еще очень долго не знал — так это о том, что после разговора со мной Трилиссер тут же опять взялся за телефон, еле слышным шепотом размышляя вслух: «С чего бы это Мессинг так взялся за него хлопотать? Вроде и видел его всего один раз... А! Девушка! Та, что была как раз тогда с Осецким. Она, кажется, служила у Мессинга в МЧК — то-то на шею ему вешалась. Не она ли замолвила словечко?» Тут телефонная станция ответила, и он заказал разговор с Ленинградом...

Сам же отправляюсь к своему новому начальнику, чтобы получить у него ЦУ для работы. Василий Никитович тихонько бормочет под нос:

— Ваш опыт в НКВТ, конечно, штука хорошая, но для этого у нас Иностраннный отдел есть, этим Гуревич занимается... А с чем конкретно вам доводилось иметь дело?

— Контроль качества закупаемой продукции, приобретение технических новинок и размещение заказов за рубежом для нашего собственного опытного производства, снабжение Карской экспедиции судами и всем прочим, что потребно, консультирование договоров по закупкам стрелкового оружия...

Председатель правления ГЭУ обрывает мое перечисление:

— Вот! На вас будет курирование научно-технической политики, и, раз уж Троцкий и тем и другим ведает, то и концессионной заодно — как раз ближе к вашей прежней работе, ну и комиссию по качеству тоже возьмете под крыло. А еще... а еще я вам Главвоенпром подвешу. Разберетесь, что у них с заказами, с рентабельностью, с кадрами... Они же теперь хозрасчетное объединение. — Он хлопает меня по плечу и переходит на «ты». — Все, давай работай!

Хотел с Троцким поговорить? Ну вот, начальство в своей неизбывной мудрости тебе его и подвесило. Наговоришься вдоволь. А заодно и с РВС будешь на связи. Продолжишь знакомство с Котовским... И будешь теперь ломать голову, как из тощего военного бюджета выкроить деньги на оборонные заказы для Главвоенпрома да чем загрузить простаивающие мощности и людей занять. А комиссия по качеству — это, чую, вообще будет песня. Сколько в нашей истории за это качество боролись! И кто кого поборол? Вот то-то же. Но «глаза боятся, а руки делают». Начну со знакомства с положением дел на порученных мне участках. Зароюсь в бумажки, мать их...

Копаясь в отчетах и справках, не забыл освежить информацию о текущей политической обстановке. Сначала поездка на Дальний Восток, а затем растерянность в период вынужденной безработицы привела к тому, что я как-то упустил нынешние политические расклады. Быстро пролистываю подшивку «Правды». Сегодня у нас третье декабря... Что в Эстонии? А ничего. Правда, вот заметка об аресте четырех эстонских коммунистов. Вот еще — один товарищ убит при задержании. Но ни восстания в Таллине, ни последнего погрома компартии, кажется, не случилось...

Так, что же пишет журнал «Большевик»? О! В номере 15–16 за этот год Бухарин разразился статьей — ответом на публикацию Преображенского в «Вестнике Комакадемии». Заголовок-то какой: «Новое откровение о советской экономике, или Как погубить рабоче-крестьянский блок». Ну-ну. И ту и другую — прочесть. И не просто прочесть, но и откликнуться, самому статейку написать. В этот спор надо вмешаться, и как можно скорее!

Глава 3

ГЭУ, ОСКАЧ, ГЛАВКОНЦЕСКОМ, ГУВП... И ВСЕ НА МОИ ПЛЕЧИ

Весь день третьего декабря, несмотря на суету, вызванную организацией работы на новом месте и необходимостью разыскать и перелопатить груды материалов по новым

направлениям своей деятельности, постоянно возвращаю-
щую воспоминаниями ко вчерашнему визиту в динамов-
ский тир.

...Пока мы с Лидой поднимались вверх по Старой пло-
щади, направляясь к Лубянке, она успела расспросить
меня об обстоятельствах моего трудоустройства.

— Трилиссер решил еще раз попытаться позвать меня к
себе, — коротко излагаю ей свой путь в ВСНХ, — но ввиду
моего решительного отказа направил меня к Дзержинско-
му. Возможно, надеялся, что тот сумеет меня убедить. Фе-
ликсу Эдмундовичу понадобилось меньше суток, чтобы
навести обо мне справки, составить собственное мнение и
в результате направить к Манцеву, в ГЭУ.

— А чего же ты в ОГПУ не захотел идти? — несколько
удивленно поинтересовалась моя спутница.

— Счел, что буду более полезен на другом месте. И, как
видишь, Дзержинский решил с этим согласиться.

Такой ответ, видимо, показался Лиде вполне удовлетво-
рительным, так что она не настаивала на каких-либо даль-
нейших объяснениях.

Все время, пока мы шли до Лубянки, 13, Лида вела себя
как ни в чем не бывало — настроение ее было ровным, она
никак не пыталась возвращаться к тому инциденту, кото-
рый произошел между нами в ноябре, как-то оправдывать-
ся или, наоборот, требовать оправданий от меня. Спуска-
емся в подвал динамовского тира, где сразу по ушам удари-
ли выстрелы нескольких наганов, а под потолком плыл си-
зый пороховой дымок с кисловатым привкусом. Пальто мы
повесили на вешалку (новенькое дело — раньше верхнюю
одежду бросали прямо на барьер). Несмотря на то что в
тире было довольно-таки зябко — вечные проблемы с дро-
вами, — стрелять в пальто было не слишком удобно.

Вытаскивая «зауэр» из наплечной кобуры, успеваю по-
думать: «И на кой черт я его все время таскаю с собой —
ведь за все эти месяцы всего-то один раз был случай, когда
он мог понадобиться, но и тогда не сложилось...» В этот мо-
мент совершенно неожиданно Лида повисает у меня на
плечах, уткнувшись лицом мне в грудь и вся вздрагивая от
рыданий. Горло у нее перехватывает спазмами, и, безу-

спешно пытаюсь сдержать их, она в результате бормочет лишь что-то нечленораздельное. С трудом удается уловить отдельные обрывки фраз:

— Я думала... Думала!.. Ты больше... больше ни... никогда... Не придешь! Думала... все... Дурак! Скотина бесчувственная!.. Почему... почему... ни разу... не зашел... не по... не позвонил! Я думала... думала, уже... уже все!

И что прикажете делать? Обнимаю ее за плечи, глажу по голове, потом отрываю от своей груди и начинаю, под продолжающийся аккомпанемент грохота трех наганов, целовать ее мокрые покрасневшиеся глаза и покрытое дорожками слез лицо. Шепчу ей:

— Глупая... Глупая... Я чуть с ума не сошел, решил, это ты не захочешь меня больше видеть...

Когда Лида немного успокоилась, отстраняюсь и «командным» голосом выпаливаю:

— Боец Лагутина! На огневой рубеж... шагом... марш! — К моему удивлению, она четко выполняет команду. — Приготовиться к стрельбе!..

Еще больше я был удивлен, когда обнаружил, что моя бравая комсомолка ухитряется почти не допустить промахов. Закусив губы, она лупила из «зауэра» по мишеням в бешеном темпе, так что черные кружки в центре мишеней один за другим быстро покрывались дырчатым узором. Собственные мои успехи были куда скромнее — в тот день мазал я гораздо больше обычного. Да и плевать. Главное, что отношения с Лидой, кажется, восстановлены...

Не успеваю как следует освоиться с кругом своих обязанностей, как на меня уже начинают сыпаться оперативные задания. Завтра надо принять участие в Особом совещании по качеству продукции (Оскач). А что мне известно по этой теме? Что с качеством все плохо? Что оборудование устарело, что дисциплина разболтанна, что квалификация рабочих недостаточна, что между рабочими и спецами грызня? Так это всем известно. Вот как поправить дело — на самом деле тот еще вопрос. Похоже, затевают очередную кампанию вроде недавно начавшейся битвы за подъем производительности труда. Но так проблемы не решить. Вспомнить надо все, что узнал об управлении качеством в

наше время. Вытягиваю из стопки чистый лист бумаги и берусь за свой Паркер.

Назавтра на совещании, где председательствует Л. Д. Троцкий, беру слово как представитель ГЭУ ВСНХ. Лев Давидович рассказывал во вступительном слове, что у нас борьба за качество не может вызываться конкуренцией, как при капитализме, а должна опираться на общественный и государственный контроль. Мысль верная, потому что где уж тут у нас та конкуренция... А вот с контролем кое-какие идейки есть. Встаю с места и начинаю с обычного приветствия:

— Товарищи! Буду краток, изложу свои мысли тезисно.

Первое. Ни в коем случае нельзя борьбу за качество превращать в кампанейщину. Эта работа должна вестись постоянно, она должна стать неотъемлемой частью процесса организации и управления производством. Проще говоря, нужно практически обеспечить, чтобы управление качеством стало составной частью управления производством.

Второе. Нужно провести комплекс организационно-технических мероприятий, позволяющих контролировать качество на всех стадиях производственного процесса. На стадии подготовки производства должны быть выработаны соответствующие технические нормы и карты (то есть описания) технологических процессов и выработаны регламенты контроля соответствия производства технологическим картам. Должен существовать входной контроль качества поставляемого сырья и комплектующих изделий, текущий контроль качества каждой операции, качества изготавливаемых полуфабрикатов на каждой стадии производственного процесса. Наконец, только в конечном пункте мы подходим к контролю качества и выбраковке готовых изделий.

Третье. Обрисованный комплекс работ должен иметь материально-техническое и организационное подкрепление в виде отделов технического контроля на предприятиях и технических лабораторий, проводящих по заказам предприятий экспертизу сырья, материалов и готовой продукции.

Четвертое. Основным ориентиром для определения ка-

чества продукции должны быть государственные стандарты. Это предполагает проведение широкомасштабных работ по стандартизации, что уже само по себе будет способствовать росту качества производства и проведению режима экономии за счет достижения полной технической совместимости изделий и устранения параллелизма. Однако нельзя ограничиваться только технической стандартизацией. Когда мы говорим о качестве продукции, не меньшее внимание мы должны обращать на ее потребительские и эксплуатационные характеристики, на ее себестоимость и на затраты, которые будет нести потребитель в процессе ее эксплуатации. Кроме того, следует учесть, что для технически сложных изделий обязательным компонентом качества является комплектность поставки, обеспеченность запасными частями и техническим обслуживанием.

Пятое. Общественный контроль за качеством не может сводиться только к жалобам потребителей в разного рода инстанции и в советскую прессу. При монопольном положении государственной промышленности и отсутствии конкуренции злоупотреблению монопольным положением со стороны производителя должна быть противопоставлена своего рода контрмонополия за счет создания организаций потребителей. Речь идет не о создании еще одной бюрократической структуры, а об организации контроля по принципу объединения в первую голову тех, кто экономически в таком контроле заинтересован. В сфере товаров народного потребления такую роль могла бы выполнять — но пока не выполняет! — потребительская кооперация. Чтобы повернуть ее лицом к нуждам советских граждан, нужно резко усилить участие низового кооперативного актива в ее работе, сделать нормой и правилом участие рядовых потребителей в оценке качества продукции и в формировании заказов производству.

Если совещание признает осуществление данных предложений необходимым, готов в кратчайшие сроки представить программу неотложных конкретных мер по ее реализации. У меня все. (Чуть не сказал по еще не стертой привычке: «Спасибо за внимание».)

Разгоревшиеся на совещании дебаты слушал вполуха.

Представитель профсоюзов напирал на то, что распространявшаяся в ходе кампании за подъем производительности труда сдельщина увеличила выработку, но привела и к росту брака на тридцать процентов.

— Если мы будем все проблемы производительности решать путем ужесточения норм выработки и срезания расценок, как это сплошь и рядом у нас делается, — горячился он, — то не стоит ждать роста качества продукции. Наоборот, рабочие начнут гнать брак, потому что одна лишь интенсификация труда на старом оборудовании и при нашей безобразной организации производства ни к чему иному привести и не может!

Представитель научно-технического отдела ВСНХ несколько более сдержанно, но тоже изрядно нервничая, говорил о том, что на заводах процветает «спецеество» и в подобных условиях говорить о совместных усилиях рабочих и инженерного персонала в борьбе за качество не приходится. А без такой работы реальных сдвигов не будет.

Несмотря на неизбежные ведомственные раздоры, большинство моих предложений все-таки встретило понимание со стороны участников совещания. Поэтому придется теперь писать развернутую записку еще и по этому поводу. И это тогда, когда конкретных знаний о нынешнем состоянии производства и о реальных возможностях технического контроля у меня, почитай, и нету. Придется идти на поклон к специалистам Научно-технического комитета, благо и его мне тоже поручено курировать. Однако сейчас меня больше беспокоила другая проблема.

Отлавливаю по окончании совещания Л. Д. Троцкого и говорю ему:

— Я ведь обещал вам серьезный разговор? Так время давно назрело.

И в самом деле, назрело. Троцкий явно не удовлетворен своим нынешним положением на задворках политического Олимпа. А еще больше пассивностью своего лидера недоволен его окружение — кто по принципиальным, кто по шкурным соображениям, а большинство и по тем, и по другим. Не дай бог влезет в открытую схватку. Только этого еще не хватало! Но что ему подбросить, чтобы повернуть

неуемную энергию Льва Давидовича в другое русло? Думай, думай...

На здешнем Олимпе сейчас сложилась несколько неожиданная для меня ситуация. Осень и зима одна тысяча девятьсот двадцать четвертого года отличались удивительным затишьем во внутренней политической жизни. После XIII съезда и драки вокруг письма Ленина, итогами которой были недовольны очень многие, и после неожиданного фиаско Зиновьева на V конгрессе Коминтерна следовало бы ожидать новых столкновений в верхах, продолжения борьбы за передел власти. Ведь фактически позиции всех основных партийных лидеров ослабли, и в то же время стали понемногу укрепляться дотоле не самые влиятельные фигуры. Поэтому я предполагал, что Зиновьев, Сталин, Троцкий вот-вот перейдут к решительным действиям. Однако мои предположения не оправдались. В чем же дело? Как оценить ситуацию, чтобы не попасть впросак в разговоре с Троцким?

К сожалению, о том, что происходило на самом верху, приходилось судить по официальным сообщениям, газетным статьям и отрывочным косвенным данным. Других источников информации у меня не было, и послезнание в этой ситуации ничем не могло помочь — в реальной истории политический баланс в партийной верхушке к этому моменту складывался иначе. Никакого дружного натиска на троцкистов и подготовки полного организационного разгрома левой оппозиции здесь не наблюдалось — хотя бы потому, что сама левая оппозиция не приобрела таких масштабов и активности, как в моей истории. Кроме довольно резкой, но не слишком активной критики крайне левых (всяких там децистов, остатков «рабочей оппозиции» и т. п.), редких и не слишком язвительных шпилек в адрес Троцкого, — притом что сам «Лев Революции» на такие нападки почти не отвечал, предпочитая выступать с речами и статьями в основном по своей работе в ВСНХ, — стояла, можно сказать, тишь и гладь. Похоже, стороны примерялись друг к другу перед решающей схваткой.

Зиновьев после щелчка по носу на конгрессе Коминтерна, вероятно, все еще не пришел в себя, растерян, пребыва-

ет в подавленном настроении, в унынии. Однако он приобрел выигрышные позиции за счет ликвидации поста генсека ЦК, перемещения Сталина в Совнарком и удаления некоторых его сторонников из Секретариата и Оргбюро. Хотя письмо Ленина и ему самому доставило немало неприятных минут, как и публикация «Львом Революции» своих воспоминаний об Октябре, где он отнюдь не щадил самолюбия Григория Евсеевича, но, главное, удалось отодвинуть чуть не ставшего слишком сильным бывшего генсека от рычагов власти над партаппаратом, а Троцкого вообще задвинуть на второстепенные должности. Теперь Зиновьев, как можно предположить, выжидает какого-нибудь неловкого шага Иосифа Виссарионовича или какой-нибудь хозяйственной неудачи, чтобы воспользоваться случаем и резко ослабить его позиции.

Сталин вроде бы тоже затаился...

Сталин в это время работал в Совнарком, в своем кабинете в Кремле, на третьем этаже корпуса № 1 (бывшее здание Сената). Уже многие месяцы его не оставляло гнетущее ощущение, как будто он пребывал в осажденной крепости. Тогда, на XIII съезде РКП(б), этому интригану Зиновьеву удалось напугать большинство Политбюро призраком его необъятной власти, и под этим предлогом попытаться перехватить у него пост генсека. Слабым утешением оставалось то, что удалось славировать и уговорить Политбюро вообще ликвидировать этот пост, чтобы, как он тогда выразился, «предотвратить после смерти Ильича чрезмерную концентрацию полномочий по кадровым делам в одних руках». Удачно вышло и на конгрессе Коминтерна — удалось выбить из-под зада Зиновьева пост главы аппарата ИККИ, причем чужими руками и даже не ставя этот вопрос предварительно на Политбюро и Оргбюро. Ох, как же шумел тогда Зиновьев! Но ни Томский, ни Рыков, ни Бухарин его не поддержали. Кивая на решения XIII съезда, объясняли, что и в Коминтерне вредна чрезмерная концентрация власти, и раз уж делегаты конгресса так решили, то почему Политбюро должно вмешиваться?

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Пролог.</i> | 5 |
| <i>Глава 1.</i> Я становлюсь позвоночным | 7 |
| <i>Глава 2.</i> Разговор с последствиями | 18 |
| <i>Глава 3.</i> ГЭУ, Оскач, Главконцеском, ГУВП... и все на мои плечи | 30 |
| <i>Глава 4.</i> Ну, думаю, началось... | 47 |
| <i>Глава 5.</i> Подпись Маяковского | 63 |
| <i>Глава 6.</i> Беседы в «Люксе» | 75 |
| <i>Глава 7.</i> Игра открытыми картами? | 89 |
| <i>Глава 8.</i> Кадрам — быт! Но каким? | 103 |
| <i>Глава 9.</i> Подгонишь ли жизнь под стандарт? | 118 |
| <i>Глава 10.</i> «Ох, тяжелая это работа...» | 137 |
| <i>Глава 11.</i> «Были сборы недолги...» | 152 |
| <i>Глава 12.</i> Станция Себеж | 170 |
| <i>Глава 13.</i> Заситино, Исса, Посинь... и французские поэты | 185 |
| <i>Глава 14.</i> Стихи, стихи... | 198 |
| <i>Глава 15.</i> О пользе курения. | 207 |
| <i>Глава 16.</i> Вот засада!. | 221 |
| <i>Глава 17.</i> Дела сердечные... и не только | 232 |
| <i>Глава 18.</i> «Броня крепка, и танки наши быстры»? | 248 |
| <i>Глава 19.</i> «Ну а если пуст карман...». | 269 |
| <i>Глава 20.</i> Что там у нас с основным капиталом? | 283 |
| <i>Глава 21.</i> Ну что, затеем пятилетку? | 298 |
| <i>Глава 22.</i> Домашние животные — дело хлопотное | 317 |
| <i>Глава 23.</i> Зиновьев, грузинский чай, старатели, сухой закон... | 335 |
| <i>Глава 24.</i> «Я вам пишу...» | 346 |
| <i>Эпилог.</i> | 360 |
| Список встречающихся в тексте сокращений | 363 |